

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович [1856-1909] - поэт. Р. в состоятельной чиновничьей семье. Рос в Петербурге, в среде, где соединялись элементы бюрократические и помещичьи. По окончании [1879] историко-филологического факультета Петербургского университета служил преподавателем древних яз. и русской словесности, впоследствии директором гимназии в Киеве, Петербурге, Царском селе. Читал лекции по древнегреческой лит-ре на Высших женских курсах. В печати выступил с начала 80-х гг. научными рецензиями, критическими статьями и статьями по педагогическим вопросам. С начала 90-х гг. занялся изучением греческих трагиков; выполнил в течение ряда лет огромную работу по переводу на русский яз. и комментированию всего театра Еврипида. Одновременно написал несколько оригинальных трагедий на эврипидовские сюжеты и "вакхическую драму" "Фамира Кифарэд" (шла в сезон 1916/17 на сцене Камерного театра). Более всего значителен А. как поэт. Стихи начал писать с детства, но напечатал их впервые в 1904. "Интеллигентным бытием" своим А., по его собственным словам, был всецело обязан влиянию старшего брата, известного публициста-народника, Н. Ф. А., и его жены, сестры революционера Ткачева. Однако лирика А., за двумя-тремя исключениями, совершенно лишена общественных и гражданских мотивов. В своей поэзии А., как он сам говорит, стремился выразить "городскую, отчасти каменную, музейную душу", к-рую "пытали Достоевским", "больную и чуткую душу наших дней". Мир "больной души" - основная стихия творчества А. По справедливым указаниям критики, "ничто не удавалось в стихах А. так ярко, так убедительно, как описание кошмаров и бессонниц"; "для выражения мучительного упадка духа он находил тысячи оттенков. Он всячески изназывал изгибы своей неврастении". Безысходная тоска жизни и ужас перед "освобождающей" смертью, одновременное "желание уничтожиться и боязнь умереть", неприятие действительности, стремление бежать от нее в "сладостный гашиш" бреда, в "запой" труда, в "отравы" стихов и вместе с тем "загадочная" привязанность к "будням", к повседневности, к "безнадежной разоренности своего пошлого мира" - таково сложное и противоречивое "мировосприятие и миропонимание", к-рое стремится "внушить" А. своими стихами. Приближаясь этим "мировосприятием" из всех своих современников более всего к Федору Сологубу (см.), формами стиха А. наиболее близок молодому Брюсову (см.) периода "русских символистов". Однако преувеличенное "декадентство" первых стихов Брюсова, в к-ром было много нарочитого, придуманного со специальной целью обратить на себя внимание, "эпатировать" читателя, у не печатавшего свои стихи А. носит глубоко органический характер. Брюсов скоро отошел от своих ранних ученических опытов. А. оставался верен "декадентству" в течение всей жизни, "застыл в своем модернизме на определенной точке начала 90-х гг.", но зато и довел его до совершенного художественного выражения. Стиль А. ярко импрессионистичен, отличаясь зачастую изысканностью, стоящей на грани вычурности, пышной риторике *décadence*"а. Как и у молодого Брюсова, поэтическими учителями А. были французские поэты второй половины XIX в. - парнасцы и "проклятые": Бодлер (см.), Верлен (см.), Маллармэ (см.). От парнасцев А. унаследовал их культ поэтической формы, любовь к слову как таковому; Верлену следовал в его стремлении к музыкальности, к превращению поэзии в "мелодический дождь символов"; вслед за Бодлером причудливо переплетал в своем словаре "высокие", "поэтические" речения с научными терминами, с обыкновенными, подчеркнуто "будничными" словами, заимствованными из просторечья; наконец следом за Маллармэ - на сознательном затемнении смысла строил главный эффект своих стихов-ребусов. От "бесстрастных" французских парнасцев А. отличает особая пронзительная нотка жалости, звучащая сквозь всю его поэзию. Жалость эта направлена не на социальные страдания человечества, даже не на человека вообще, а на природу, на неодушевленный мир страдающих и томящихся, "злыми обидами" обиженных вещей (часы, кукла, шарманка и пр. и пр.), образами к-рых поэт маскирует свою собственную боль и муку. И чем меньше, незначительнее, ничтожнее "страдающая" вещь, тем более надрывную, щемящую жалость к себе она в нем вызывает. Своеобразная лит-ая судьба А. напоминает судьбу Тютчева (см.). Как и последний, А. - типичный "поэт для поэтов". Свою единственную прижизненную книгу стихов он выпустил под характерным псевдонимом "Никто". И действительно в течение почти всей своей жизни А. оставался в лит-ре "ником". Лишь незадолго до смерти его поэзия приобретает известность в кружке петербургских поэтов, группировавшихся вокруг журнала "Аполлон" (см.). Кончина А. была отмечена рядом статей и некрологов, но вслед за тем его имя снова надолго исчезает с печатных столбцов. Только в недавнее время была сделана попытка воскресить стихи А.: в 1923 была издана новая книжка его посмертных стихов, переизданы два прежних сборника. Однако творчество А., эта поэзия скуки, страха и отравы, "злых обид" и великой жалости к малым вещам, один из самых больных цветков умирающей буржуазно-дворянской культуры - естественно остается чуждым всем здоровым тенденциям современности.

Лит-ое влияние А. на возникшие вслед за символизмом течения русской поэзии (акмеизм,